

СПРАВОЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ РАЗДЕЛ

УДК 003.349

О. М. Соснин

О восстановлении кириллического йотованного Ё

На протяжении нескольких столетий не прекращается спор о целесообразности использования в русском алфавите букв Ё и Э. В статье показано, что не было бы необходимости вводить эти чуждые кириллице буквы, если бы в русском письме было сохранено старинное кириллическое Ъ. Последнее предлагается восстановить в упрощенном начертании Ё.

На протяжении последних трех столетий состав алфавита, применяемого в русском письме, значительно изменился. Большинство этих изменений были обоснованы, будучи обусловлены необходимостью упрощения и рационализации письма путем исключения из алфавита кирилловских букв, не отражающих реалий русского языка. В результате наш алфавит был сокращен с 40–50 (по разному счету) букв до 31, к которым были добавлены две новые: Э и Ё¹. Первая из них применяется главным образом в иноязычных словах и выглядит транскрипционным знаком, отображающим фонему *e*². Вторую же буквой мы обязаны остроумию Н. М. Карамзина, предложившего в 1797 году таким способом морфологически обозначить чередование йотованных слогов *je* и *jo*, хотя они в подавляющем большинстве случаев прекрасно различаются позиционно [1]. Однако форма обозначения йотованного *jo* была заимствована Карамзиным из немецкого письма по образцу немецкого *Ö* без всякого учета русской кириллической традиции. В результате мы получили еще один транскрипционный (пояснительный для буквы Ё) знак, поскольку буква Ё употребляется преимущественно в учебниках и словарях русского языка. Неудивительно, что в течение всего времени существования букв Э и Ё в составе русского алфавита регулярно поступали (начиная с М. В. Ломоносова) и до сих пор поступают предложения об их исключении [1]. Скорее удивительно то, что, несмотря на избыток в самой кириллице буквенных графем, были без особой надобности изобретены и внедрены в практику русского письма новые буквенные символы, нарушающие кириллическую традицию. Поддерживая идею исключения букв Э и Ё из русского алфавита, покажем, что есть более перспективное решение связанных с их употреблением проблем.

Консервативно настроенные противники буквы Э обычно предлагали (и теперь предлагают) заменить ее буквой Ё. Эти предложения опираются на тысячелетнюю кириллическую традицию, согласной которой буква Ё должна отображать именно фонему *e* [2]. Правда, до петровской реформы русского письма буква Ё изображалась преимущественно в

виде Ё, но переход к форме буквы Ё, совпадающей с латинской *E*, только облегчает современному читателю ее восприятие в качестве отображения фонемы *e*.

В средневековый период русского письма осознание буквы Ё (в начертании Ё) как отображения фонемы *e* было совершенно четким. Это проявилось, в частности, в том, что тогда для отображения йотованного *e*, т. е. *je*, употреблялась буква Ъ. Последнюю использовали и для указания мягкости предыдущего согласного. Рассмотрим некоторые характерные примеры русского письма XII–XIV вв.:

“не прикмыкть ѡсоужениа” [3, с. 94]; “прошаеми оу нкго” [3, с. 96];

телеса, пренесѣниѣ, ктѣпѣть, елисаветѣ, пѣть [4, с. 177–181];

“от ного не ѡткѣде да а ми ѣсми въ томѣ погнбли” [5, с. 127];

“иши ѣа въ ѣвѣхолои” [6, с. 115].

Эти примеры ясно показывают, что йотованное *je* тогда отображалось через Ъ, что после мягких *л* и *н* (и после других мягких согласных) писали Ъ, а после твердых — *e*. Как и теперь, в современном русском языке, фонема *e* в начале слова тогда встречалась по преимуществу в словах иноязычного происхождения: *ѣвѣхолои*, *елисаветѣ*, в отличие от *ктѣпѣть*, а в коренных русских словах — редко, но отображалась она непременно буквой Ё. Уже тогда проявилась и тенденция замены буквы Ъ буквой Ё в скорописи. Так, в одной из новгородских берестяных грамот XII в. написано: “... жѣльтоѣ: ожеже еси продала то вѣда сѣмоу...”. К XIV в. позиции буквы Ъ, судя по берестяным грамотам, были восстановлены [5, с. 73].

В дальнейшем, при формировании великорусского языка, закон слогового сингармонизма преобразовался в закон мягкости большинства согласных и твердости остальных согласных перед *e*. Соответственно, отпала необходимость указания мягкости согласных перед *e*, отмерла буква Ъ, но необходимость указания йотирования *e* осознавалась еще длительное время после того, как употребление буквы Ъ прекратилось. Так, в источниках XV–XVII вв. мы находим:

¹ Названия букв в данной работе обозначены соответствующими заглавными буквами.

² Обозначаемую также как [э]. В данной работе используются обозначения фонем, принятые в системе международной фонетической транскрипции.

1486 г.: "...купил есми оу брата своѣг. оу Федора..." [7, с. 174];

1512 г.: "...степан юрьѣвъ снѣ любавѣског дал есми на себе запис..." [7, с. 176];

1633 г.: "...приѣхал иза брянска Иван Врыков отнал у меня сирот[ы] твоѣво мою жанишку Степонидаку и своз еѣ к себѣ" [8, с. 219].

В приведенных примерах йотованное Е обозначено либо увеличенным размером буквы, либо точкой над ней. Однако в течение XVII в. индикация йотирования Е в московской скорописи прекращается. Видимо, считалось, как полагали впоследствии М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, И. А. Крылов и многие другие деятели на ниве родной речи [1, с. 409], что те редкие случаи, когда в начале слова или после гласной фонеме *e* не предшествует *j*, общеизвестны и нет необходимости их особо помечать при письме. Грамотным людям того времени было понятно, что *Ефес* надо читать примерно как *Эфес*, а *этот* — как *этом*. Более сложно обстояло дело с неологизмами западноевропейского происхождения, правильное чтение которых было доступно лишь толмачам. Надо полагать, что произношение [je] вместо [e] в иноязычных собственных именах считалось в бурно формирующейся России XVII в. недопустимым искажением, что и привело к появлению буквы Э именно как транскрипционного символа, используемого для расшифровки западноевропейских собственных имен. Уже в московских "Курантах" [8] первой половины XVII в. и в частных письмах того времени писали: лантѣмѣистер (Landmeister) [9, с. 163], Бранденбургъ (Brandenburg) [9, с. 164], "на Ѡдере" [10, с. 181], Фрей (Frei) [11, с. 144] и в то же время — "и у Элбы" (Elbe) [10, с. 189], Эрфуртъ (Erfurt) [10, с. 198] и т. п.

Здесь ясно видно, что буква Э была введена для различения *e* и *je* в начале слова. В этом не было бы необходимости, если бы в московском письме XVII в. сохранилась особая буква для отображения *je*, подобная древней ЪС. Однако ее функции были переданы букве Е (а затем — Ё) ввиду того, что фонема *e* в начале слова или после гласной в средневековой русской речи употреблялась редко. Кроме того, исчезновению буквы ЪС способствовала общая тенденция упрощения письма путем устранения сложных по написанию кирилловских букв, которая привела к введению гражданского шрифта в первой половине XVIII века. В результате применение буквы Э было узаконено несмотря на возражения многих ученых людей того времени, включая М. В. Ломоносова. Впрочем, введение буквы Э в русское письмо не привело к его упрощению. Во-первых, количество букв не удалось сократить за счет исключения из алфавита буквы ЪС, так как взамен пришлось ввести букву Э. Во-вторых, новоиспеченная буква Э оказалась сложной в скорописи. Ее писать проще, чем букву ЪС, но сложнее, чем букву Е, особенно в строчном варианте последней в виде *e*, весьма распространенном в русском письме XVII–XVIII веков.

За прошедшие 300 лет наличие фонемы *e* в начале слова и после гласных стало неотъемлемой частью русской речи благодаря проникновению в русский язык большого количества слов западноевропейского происхождения. По этой причине старинные возражения против существования особой буквы, предназначенной для отображения фонемы *e* в

начале слова и после гласных, стали неосновательными, но проблема отображения фонемы *e* в русском письме остается. Вопрос заключается в следующем: не лучше ли, в согласии с тысячелетней кириллической традицией и с европейской практикой, отображать фонему *e* с помощью буквы Е и в тех случаях, когда мы употребляем букву Э? По нашему мнению, настало время вернуть букве Е ее традиционные функции в полном объеме, а букву Э исключить из алфавита. Одновременно необходимо снова, как это же было в XIV в. [4–5], снять с буквы Е ярмо отображения йотованного *je*, брошенное на нее в не оправдавшей себя попытке упрощения русского письма. А для отображения *je* необходимо восстановить употребление кириллического ЪС, но в упрощенном начертании, а именно — в виде *ε* (со строчным вариантом в виде *e*).

Исторически сложилось так, что йотованные гласные русского алфавита указывают на мягкость предшествующей согласной. На это же указывает и буква И, которая не является йотованной, но весь смысл существования пары И-Ы заключается в выполнении функции различения на письме мягкости и твердости согласных с помощью аллофонов фонемы *i* [2]. В отличие от остальных йотованных букв Е, когда она отображает фонему *e*, в современном русском письме не является признаком мягкости стоящей перед ней согласной. Скажем, в слове *детка* буква Д произносится мягко, а в слове *дека* — твердо. Таким образом, в большинстве случаев буква Е после согласных просто отображает фонему *e*. Смягчение согласных буква Е гарантирует лишь в тех случаях, когда отображает фонему *o*, например: *мед*, *вел*, *рев* и пр. С другой стороны, она играет роль полноценной йотованной, когда стоит в начале слова или после гласной внутри слова. В результате буква Е оказывается в противоречивом положении: во-первых, она отображает йотованное *e* (*je*), но не служит показателем мягкости согласных перед *e*, а во-вторых, она отображает фонему *e* после согласных, но лишена этой функции в начале слова и в середине слова после гласных. Последняя функция в течение XVII–XVIII вв. перешла к букве Э, введенной в нарушение кириллической традиции. Формально, судя по названиям букв, пара Э-Е выглядит нормальной парой гласных, одна из которых йотованная, подобной парам А-Я, О-Ё и У-Ю. В орфографическом же плане она не нормальна, так как буква Е не играет роли показателя мягкости согласных перед *e*, а буква Э, согласно действующим правилам, редко ставится после согласных для указания их твердости. Современное употребление пары Э-Е приводит к ненужному усложнению русской орфографии и создает неоправданные трудности для людей, читающих и пишущих по-русски. Так получается прежде всего потому, что возникает иллюзия указания буквой Е мягкости стоящих перед ней согласных и, следовательно, неправомерности написания Е после твердых согласных. Отсюда возникает тенденция считать правомерным указание твердости согласных с помощью буквы Э, что и в XVII в. [9–10], и позднее, и всегда признавалось знатоками русского языка делом бесполезным [1, с. 412].

При всеобщей уверенности, что после твердых согласных по общему правилу не должна ставиться йотованная гласная, продолжают сосуществовать написания типа *мэр* и *Мери*, в которых фонема *e* отображается по-разному. Из-за некоррект-

ности пары Э-Е и получающихся отсюда грамматических коллизий люди, пишущие по-русски, без конца колеблются в правописании как слова Мери (Мэри), так и многих других иноязычных слов (особенно неологизмов), в которых твердый согласный стоит перед *е*. Этого не будет, если функции буквы Э будут выполняться буквой Е, как они и выполнялись на протяжении многих веков до введения гражданского шрифта и как это принято в остальных славянских алфавитах (кроме белорусского), не знающих никакой буквы Э. Тогда уж никто не колебался бы в правописании модного когда-то слова *кэб* (*кеб*), как и в правописании модного сейчас слова *кэш* (*кеш*) и других модных словечек и собственных имен, в которых встречаются твердые согласные перед *е*. Таким образом было бы устранено вредное психологическое влияние (соблазн) буквы Э на русское письмо и облегчено общение сотен миллионов русскоязычных людей. Что касается проблемы различения твердости и мягкости согласных при письме и чтении перед фонемой *е* в недостаточно обрусевших словах, проблемы, существующей и при ныне действующей орфографии, то ликвидация буквы Э привела бы к большей внимательности читателей к вопросам произношения в условиях стабильности правописания. Пока же практика нашего письма изобилует неустрашимыми нарушениями установленных правил, связанными с применением буквы Э вместо буквы Е. Такие нарушения приводят к уменьшению стабильности русского письма (то *кэш*, то *кеш*), а также могут вызывать неоправданные надежды на то, что если бы слово, в отношении произношения которого имеются сомнения, произносилось с твердой согласной перед *е*, то после такой твердой согласной писалась бы (хоть и не положено) буква Э.

Исключение буквы Э из алфавита с передачей ее функций букве Е предполагает, как уже упоминалось, передачу функций буквы Е по отображению йотованного *je* кирилловской букве Ё, употребляемой в упрощенном начертании в виде *е* (в строчном варианте — *е*). После этого буква Е будет отображать фонему *е* во всей полноте и соответственно именоваться. Нас не должно смущать, что теперь после мягких согласных фонема *е* будет отображаться нейотованной буквой, как не смущает это обстоятельство при отображении фонемы *i* нейотованной буквой И. Так было еще во времена действия закона слогового сингармонизма, и для буквы И эта ситуация сохранилась до сих пор. Закрепление за буквой Е чуждых ей функций было осуществлено в течение XVI–XVII вв., когда фонема *е* употреблялась в начале слова и после гласных чрезвычайно редко, а парные по твердости-мягкости согласные перед фонемой *е* почти исчезли из русской речи. Стало ненужным указывать при письме твердость и мягкость согласных перед *е* (как не нужно это и до сих пор), и казалось вполне разумным пренебречь различием при письме фонемы *е* и сочетания *je* в начале слова и после гласных ради избавления от сложной в написании кирилловской буквы Ё и подгонки правила обозначения мягкости согласных йотованной буквой для случая с фонемой *е*. В результате от буквы Ё избавились, но вскоре пришлось ввести букву Э, так как различение *е* и *je* в начале слова стало весьма актуальным. Возврат к нейотованному Е в этих условиях означает признание неудачности попытки упрощения письма за счет исключения Ё,

а также признание того, что перед фонемами *е* и *i* требуются иные показатели мягкости и твердости согласных, чем перед фонемами *а*, *о* и *и*.

Буква Ё была когда-то “уставным” кириллическим вариантом отображения буквы Е, а строчное *е* широко использовалось в качестве варианта строчного *е* в московской скорописи XVII и XVIII вв. [8–12], но после введения гражданского шрифта они постепенно вышли из употребления. Именно использование буквы Ё как отображения йотованного *je* вызвало появление “обратной” буквы Э как транскрипционного символа для отображения звука [е] в московской скорописи XVII в. Поэтому было бы естественно восстановить употребление буквы Ё в ее традиционной функции отображения йотованного *je* и соответственно букву Ё именовать. Здесь уместно указать на положительный опыт применения буквы Ё для отображения йотованного *je* в украинском письме наряду с употреблением буквы Е для отображения фонемы *е*.

Важным доводом в пользу замены пары букв Э-Е парой Е-Ё является возможность передачи восстановленному Ё функций отображения йотованного *jo* в начале слова и после гласных, а также отображения фонемы *о* после мягких согласных. При употреблении буквы Ё хотя бы в тех случаях, когда согласно действующей орфографии следует употреблять букву Ё, получится, что фонема *о* после мягких согласных отображается нормальной йотованной буквой, над которой нет никакой необходимости ставить две точки или какой-либо другой диакритический знак. Например, слово *всё* (в отличие от *все*) будем писать в виде *всё*, а слово *полёт* (в отличие от *полет*) — в виде *полёт* и т. д. Что касается отображения восстановленным Ё йотованного *jo*, то при этом трудности чтения все же будут возможны, но лишь в весьма редких сомнительных случаях типа *признаёт-признает*, которые в настоящее время различаются при письме с помощью буквы Ё. В таких случаях необходимо уточнения смысла слова можно будет достичь постановкой знака ударения (*признаёт* в отличие от *признаёт*), как это делается и в других случаях омографии. И вот становится очевидным, что в результате введения в русский алфавит пары букв Е-Ё, которые читаются аналогично паре Э-Е, но имеют иные орфографические функции, употребление нетрадиционных букв Э и Ё потеряет смысл и их можно будет исключить из алфавита.

Рассмотрим дополнительные примеры предлагаемого употребления букв Е и Ё: эль — *ель*, ель — *ель*, елка — *елка*; мел — *мел*, мёл — *мел*; моет — *моет*, мое — *моё*, белье — *бельё*; поэт — *поет*, поёт — *поёт*, пьет — *пьёт*; диета — *диета*, ди-электрик — *диелектрик*; евро — *евро*, Эрос — *Ерос* и т. д.

Приведенные примеры ясно показывают, что и после введения в алфавит восстановленного Ё действующие правила русской орфографии могут быть строго соблюдены, а письмо облегчится благодаря устранению неудобных букв Э и Ё. Русскоязычные тексты после введения предложенных здесь изменений орфографии будут легко понятны современному читателю, знакомому, как правило, с латинской буквой Е и со старинным написанием русского Е в форме Ё. И обратно: старые тексты с Э и Ё будут не менее понятны, чем старые тексты с ятем и фитой вместо Е и Ф. Кроме того, главное Э можно было бы сохранить как дань истории русского письма. Во всяком случае при ручном

письме в будущем (если будут приняты обсуждаемые изменения алфавита) целесообразно допускать употребление заглавного Э вместо Е, сохраняя современную практику написания заглавных букв. Скажем, писать *Эмма* вместо *Емма* и *Элкин* вместо *Елкин*.

Обсудим также возможность русской транскрипции твердых согласных перед е и йотованного *jo* в начале слова и после гласных, аналогичной той, какая в настоящее время производится с помощью букв Э и Ё. Если нужно однозначно указать на наличие твердого согласного перед е, то предлагаем ставить дефис между помечаемой твердой согласной и буквой Е. Сакраментальная фраза "Дэвушка, нэ ухады!" будет тогда иметь вид "Д-евушка, н-е ухады!". Необходимое в учебниках и справочных изданиях указание наличия йотованного *jo* в начале слова или после гласной удобно производить установкой знака ударения над выделяемой буквой Е. Для односложных слов, над которыми знак ударения обычно не ставят даже в справочных изданиях, этого будет достаточно. В остальных случаях нужную букву Е необходимо дополнительно выделить дефисом. Проиллюстрируем изложенное примерами: ёж — *ёж*, ёмкий — *ё-мкий*, боёк — *бо-ёк*, её — *е-ё* и т. п. Однако в текстах, в которых произношение, в том числе ударение, обычно указывать не принято (например в художественной или в технической литературе), в сомнительных случаях достаточно ограничиться проставлением над буквой Е знака ударения, о чем выше уже упоминалось. Таким образом, во фразе "он узнаёт певца по голосу" знак ударения над буквой Е должен будет обозначать отображение ею йотованного *jo*. Что касается указания наличия звука *o*, отображаемого буквой Е после мягкой согласной в соответствии с действующими орфографическими правилами, то оно не составит никакой проблемы, так как легко реализуется при транскрипции заменой Е на Ё, как то: идет — *идёт*, пьет — *пьёт*, рев — *реё*; литье — *литьё*, но платье — *платьё*; подъем — *подъём*, но подъезд — *подъезд*. В приведенных здесь примерах знак ударения означает лишь указание места ударения при транскрипции, так как после согласных буква Е под ударением может отображать только звук *o*, являясь (как йотованная гласная) указателем смягчения соответствующей согласной или наличия йота.

После введения в алфавит буквы Е станут более привлекательными издавна выдвигавшиеся предложения по замене буквы Е буквой Ё (ранее — буквой Ъ) во всех случаях, когда буква Е бесспорно отображает фонему *o* после мягких согласных. Ранее такие предложения вызывали возражения также и потому, что вели (без особой необходимости) к распространению применения в русском письме дополнительной, трудной в написании и к тому же нетрадиционной буквы Ъ. После замены пары букв Э-Е парой Е-Ё и исключения буквы Ъ из алфавита возражения такого рода отпадут и распространение применения буквы Ё на все случаи, когда и поскольку требуется употребление йотованной гласной взамен буквы Е, будет вполне естественным.

Перед тем как перейти к выводам по данной работе, обратим внимание на то, что кирилловская буква Ъ располагалась в алфавите после буквы

Я. Предлагаем, ради соблюдения кириллической традиции, располагать букву Ё, которую мы рассматриваем как упрощенное начертание буквы Ъ, также после Я, в конце алфавита.

ВЫВОДЫ

1) Буквы Ъ и Э выпадают из кириллической традиции русского алфавита, приводят к нарушению закономерностей русской орфографии и к неоправданному усложнению письма. Они являются в большей мере транскрипционными знаками, чем полноценными буквами. Поэтому целесообразно исключить буквы Ъ и Э из алфавита.

2) Одновременно необходимо передать функции буквы Э букве Е и соответственно последнюю именовать.

3) Кроме того, необходимо восстановить в русском алфавите кириллическую букву Ъ в упрощенном начертании Ё, чтобы употреблять ее вместо буквы Е в начале слова и после гласных, а также вместо буквы Ъ.

4) Пара букв Е-Ё более удачно решает орфографические проблемы русского письма, чем тройка букв Е-Ё-Э действующего алфавита.

5) Восстановленную букву Ё целесообразно располагать в алфавите на ее традиционном месте — после Я.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII-XX вв.).— М.: Наука, 1965.
2. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка.— М.: Просвещение, 1990.
3. Выголексинский сборник / Под ред. С. И. Коткова.— М.: Наука, 1977.
4. Князевская О. А. Фрагменты одной древнерусской рукописи // Вопросы русского языкознания / Под ред. К. В. Горшковой.— М.: Изд-во МГУ, 1984.— Вып. 5: История русского языка в древнейший период.— С. 154-188.
5. Зализняк А. А. Наблюдения над берестяными грамотами // Вопросы русского языкознания / Под ред. К. В. Горшковой.— М.: Изд-во МГУ, 1984.— Вып. 5: История русского языка в древнейший период.— С. 36-153.
6. "Устав студийский" по списку XII в. (фрагменты) / Подг. Д. С. Ищенко // Источники по истории русского языка.— М.: Наука, 1976.
7. Памятники русской письменности XV-XVI вв. Рязанский край / Под ред. С. И. Коткова.— М.: Наука, 1978.
8. Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и распросные речи.— М.: Наука, 1993.
9. Демьянов В. Г. Из наблюдений над передачей немецких топонимов в "Вестях-курантах" 1600-1639 гг. // История русского языка. Памятники XI-XVIII вв.— М.: Наука, 1982.— С. 158-169.
10. Тарабасова Н. И. Некоторые черты московской скорописи XVII в. // История русского языка. Памятники XI-XVIII вв.— М.: Наука, 1982.— С. 170-220.
11. Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. Из фонда А. И. Безобразова.— М.: Наука, 1965.
12. Памятники московской деловой письменности XVIII в. / Под ред. С. И. Коткова.— М.: Наука, 1981.

Материал поступил в редакцию 02.03.04.